

Расширенная
версия

Мария Бутина

**# ТЮРЕМНЫЙ
ДНЕВНИК**

Портрет эпохи

Мария Бутина

Тюремный дневник

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бутина М.

Тюремный дневник / М. Бутина — «Издательство АСТ»,
2020 — (Портрет эпохи)

ISBN 978-5-17-134001-8

Самая невероятная история русской заключенной в США! Полная версия (авторская редакция) Российская студентка Мария Бутина была арестована в Вашингтоне в июле 2018 года по обвинению в работе иностранным агентом в США без регистрации. Полтора года тюрьмы, четыре месяца одиночных камер и пыток, более 50 часов допросов в бетонном бункере, 1200 страниц зашифрованных записей тюремных дневников, которые удалось вывезти в Россию после освобождения. Об этой истории писали средства массовой информации всего мира, но никто так и не смог ответить на вопрос, кем же на самом деле является Мария Бутина – преступницей или жертвой? В своей автобиографической книге Мария, наконец, рассказала всю правду. Перед вами абсолютно уникальный материал – восстановленный тюремный дневник и самая невероятная история русской заключенной в США, написанная ею самой. Как выжить в экстремальных условиях тюрьмы, да еще находясь в чужой стране? Что спасало Марию в одиночных камерах? Какими она увидела арестантов США и как сумела завоевать их доверие и даже получить поддержку? И, наконец, кем на самом деле является Мария Бутина?

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134001-8

© Бутина М., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предисловие	7
Почти конец	9
Первый этап: Вашингтон	10
Арест	10
«Красная угроза»	13
Мои адвокаты	17
Обвинение	23
Кулундинский детдом	26
Обезьянник	27
Моя маленькая копия	32
Ингрид	33
Друг мой сердечный	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Бутина

Тюремный дневник

Моему любимому дедушке Владимиру Филипповичу Шаповалову посвящается.

Он всю жизнь вел дневники. По его совету я тоже вела дневники, из которых и родилась эта книга.

© Бутина М.В., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Предисловие

*Так об этом думать
Нельзя; иначе – мы сойдем с ума.
Уильям Шекспир. «Макбет»*

У американцев есть такая фраза: «You cannot make it up», означающая, что некая история или ситуация настолько невероятна, что ни один, даже самый изощренный человеческий ум не смог бы ее придумать. Она могла произойти только в реальной жизни. По воле случая ли, по велению Бога или некоего Вселенского Разума, в зависимости от того, кто во что предпочитает верить, звезды встали так, что возникла комбинация, недоступная гению человеческой, на первый взгляд безграничной фантазии.

Эта история как раз такого порядка. В ней сплелись воедино политика, большие деньги, оружие, тюрьма и спецслужбы. Но это все внешнее. Главное совсем другое – эта история о верности и предательстве, благородстве и трусости, надежде и отчаянии, любви и ненависти. Она о том, что надежду можно обрести даже в самой темной тюремной камере, а свет есть в каждой душе, надо просто почувствовать его тепло и открыть ему сердце.

Я долго не могла начать писать эту книгу. Переживать все случившееся вновь было сложно и неприятно, а потому я, поддерживая максимальную занятость дня всем чем угодно, находила предлог не возвращаться «туда», в каждый из 467 дней тюремного «квеста». Своим происхождением эта книга обязана случаю: в мире объявили пандемию коронавируса, и я, как и миллионы людей, оказалась в самоизоляции. Так из одной изоляции я попала в другую.

В той изоляции, в тюрьме, я посвятила себя написанию дневников, которых накопилось 1200 страниц ко дню моего освобождения. Каждый лист этих записей теперь нуждался в расшифровке, ведь все было целенаправленно изложено так, чтобы, окажись мои заметки в руках ФБР, агенты всего лишь подумали, что речь в них – о тюремном быте. На самом же деле в дневниках есть все – каждый допрос, каждая мысль, описания агентов и того, что в тюремных застенках со мной случилось на самом деле.

Время новой коронавирусной изоляции я посвятила расшифровке дневника, чтобы представить читателю полную картину произошедшего. О том, что было на самом деле, известно из средств массовой информации едва ли на треть.

Эта книга основана на моих воспоминаниях, в которые я, перечитывая очередной раз эти строки, сама не могу поверить. Они настолько ломают привычные стереотипы и прекрасную картину уютного мира западных либеральных ценностей, что в это не хочется верить, иначе можно просто сойти с ума. Этого не покажут в голливудских фильмах, об этом не напишут на страницах американских газет и журналов. Но все это – правда, все имена и события – реальны. Лишь за редким исключением имена тюремных надзирателей и заключенных я заменила на вымышленные, чтобы не подвергать их опасности.

Читатель узнает о том, почему я со скамьи одного из лучших университетов мира пересела на скамью подсудимых, как оказалась в американской тюрьме и почему ФБР будет вечно хранить материалы этого дела под грифом «секретно».

Я приглашаю читателя за мной в тяжелое, необычное путешествие по всем этапам американской системы правосудия с момента моего ареста до депортации на Родину.

Пусть мы не можем изменить происходящих с нами событий, но у нас всегда есть выбор, как реагировать на происходящее.

Своим освобождением я обязана, прежде всего, моей семье, которая ни на секунду не прекращала борьбу за меня. Никто из нас ни разу не позволил себе расклеиться и заплакать

во время наших редких телефонных разговоров. Мы всегда подбадривали друг друга. Иначе было нельзя.

Я выжила и вернулась на Родину, потому что меня не бросила моя страна: от президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина до жителей алтайской глубинки. Я бы хотела выразить признательность официальному представителю МИД России Марии Владимировне Захаровой, послу РФ в США Анатолию Ивановичу Антонову, другим дипломатам и в особенности сотрудникам консульского отдела посольства, Уполномоченному по правам человека в РФ Татьяне Николаевне Москальковой, председателю комитета Государственной думы ФС РФ Леониду Эдуардовичу Слуцкому, члену Совета при президенте по правам человека Александру Семеновичу Броду, главному редактору телеканала RT Маргарите Симоновне Симоньян и ее коллективу, председателю правления Фонда защиты национальных ценностей Александру Александровичу Малькевичу, предпринимателю и общественному деятелю Михаилу Михайловичу Хубутии, Ассоциации юристов России, а также членам и сторонникам общероссийской общественной организации «Право на оружие».

Я безмерно благодарна моим адвокатам Роберту Дрисколлу и Альфреду Кэрри и членам их семей, а также моему давнему другу, писателю Джеймсу Бэмфорду, который ни разу не усомнился в моей невинности и первым выступил в мою защиту в момент обострения анти-российской истерии в США. Я благодарна моей близкой подруге Елене Алексеевне Волковой и ее семье, моему другу детства Олегу Александровичу Евдокимову и его супруге Татьяне. Я также благодарна за помощь и поддержку моему другу Джорджу О'Нилу, который не оставил меня в беде, несмотря на все сопряженные с этим риски для его жизни и бизнеса.

Спасибо каждому, кто в меру своих финансовых возможностей поддержал меня через Фонд Марии Бутиной, писал мне письма в тюрьму, снимал сюжеты и публиковал статьи, выходил на пикеты, а также поддерживал моих родителей в это непростое время.

Конечно, я не могу обойти вниманием и каждую из женщин-заключенных, благодаря которым я узнала, что такое любовь к ближнему без внешних атрибутов и ханжества. Они научили меня не судить по одежке, смотреть вглубь человеческой души и находить в людях хорошее, несмотря ни на что. Отдельная благодарность моей близкой подруге Финни, ставшей мне второй матерью, которая заботилась обо мне каждый день с момента нашей первой встречи в очень непростых, мягко говоря, обстоятельствах.

Я благодарна протоиерею Русской православной церкви за границей, настоятелю Иоанно-Предтеченского собора в Вашингтоне, отцу Виктору Потапову, который постоянно поддерживал меня и помог мне начать важнейший в моей жизни путь – становления в вере.

И наконец, я благодарна тем, чьих имен мы никогда не узнаем и не увидим на страницах газет и журналов, не найдем на веб-сайтах. Они, я всегда знала, незримо были рядом и сделали все возможное, чтобы я благополучно вернулась домой. Храни вас Господь, ребята!

Я выжила и вернулась, потому что созданное Всевышним не под силу разрушить человеку. Где бы наш человек ни был, что бы с ним ни происходило, его невидимую и неразрывно прочную связь с Родиной нельзя разорвать. Помните об этом и передайте своим детям. А если кто-то скажет вам обратное, не верьте, это – гнусная ложь.

Почти конец

29 октября 2019 года, г. Барнаул, Россия

Две маленькие фигуры медленно приближались ко мне в утреннем полумраке сквозь потоки холодного осеннего дождя. Я так долго ждала этой встречи, но боялась, что ей уже не суждено случиться, потому так и не придумала, что буду делать, если она произойдет. Но стоило мне увидеть знакомые силуэты, все мои волнения улетучились, будто какая-то невидимая сила толкнула меня в спину, и я побежала навстречу маме и бабушке. Еще миг, и я оказалась в их теплых и нежных объятиях. Знакомый родной запах накрыл меня с головой так, что я почти потеряла сознание. Мама только сказала: «Доченька, как же долго мы тебя ждали! Как же вы с сестрой похожи. Я не поверила от волнения, что это ты!». Наверное, ей стоило сказать что-то другое, снова обретя дочь после долгой разлуки, но, впрочем, кто знает, что говорят в таких случаях.

Неожиданно подлетели пятеро молодых худеньких девчонок. Они окружили нас, стали обнимать, а мне в руки сунули большой тяжелый торт в пластиковой упаковке. Это были подружки моей сестры, которым с детских лет я стала родной, сперва нянча их совсем маленьких, потом играя с ними в куклы, позже помогая с домашними заданиями, и, наконец, рассказывая о свиданиях с мальчиками и про то, как детей находят в капусте.

Эта теплая встреча в аэропорту Барнаула прошла незамеченной для всех телекамер. Так устроил папа, буквально за пару часов до вылета из Москвы поменяв наши билеты с рейса «Аэрофлота» на S7. Мы прилетели раньше известного прессе времени и ушли от «преследования» толп журналистов. Я была ему безмерно благодарна. Это должна была быть только наша, семейная встреча.

Теплые мамины и бабушкины руки долго обнимали меня. А потом в темноте раннего утра мы тихонько пошли к нашей машине. Домой ехали молча. Думаю, каждый переживал бурю эмоций, но не знал, с чего начать. У нас будет еще много долгих дней и ночей, чтобы все рассказать друг другу.

В доме горел свет. Стол, по нашей семейной традиции, как положено, когда кто-то приезжает в гости, был уже накрыт. Пахло свежими булочками и ароматным алтайским чаем. По кухне разгуливал, оглядывая свои владения, наш толстый рыжий кот Мейсон. Вслед за мной, мамой, папой и бабушкой в дом влетели девчонки-хохотушки. К такому Мейсон оказался не готов и тут же скрылся, недовольно помахивая хвостом, в неизвестном направлении.

«Маша, Маша, давай я тебя сфотографирую с тортом!» – наперебой кричали девочки. Так появилась моя первая фотография дома. Так я родилась заново. «С возвращением, Маша!» – гласила надпись на торте.

Выпив чаю с тортом и плюшками, гости разъехались. Стало тихо, из ниоткуда снова возник кот Мейсон, оценивая причиненный его владениям ущерб. Забрезжил рассвет, кончился осенний дождь, и в большие окна заглянули лучи моего первого дня дома.

С момента возвращения на Родину я вот уже три дня не сомкнула глаз. К тому же я очень устала от постоянного внимания телекамер, поэтому мама строго настояла, что нужно немного поспать. Я слушала ее слова, а в глазах видела, что отпускать меня ей ни на секунду не хотелось. Казалось, что вот я уйду, и для нее все начнется заново – бесконечные дни страданий вдали от любимой дочери. Все же я послушалась маму, тихо поднялась на второй этаж, где на кровати меня уже ждала свежая отглаженная пижама. Натянув одеяло до кончика носа, я еще долго боялась закрыть глаза, но сон взял верх, и я, наконец, заснула.

Первый этап: Вашингтон

Арест

15 июля 2018 года, г. Вашингтон, США

– Мария, вы арестованы по обвинению в заговоре с целью совершения преступления или обмана Соединенных Штатов, а также в незаконной деятельности иностранным агентом в пользу Российской Федерации на территории Соединенных Штатов Америки. Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете в свое оправдание, может и будет использовано против вас.

Мне приказали развернуться, положить руки на холодную стену коридора, поставить ноги на ширине плеч.

– У вас есть оружие или иные предметы, которыми вы можете ранить нас?

– Конечно, нет! – удивилась я такому странному вопросу, заданному мне, всего месяца как выпускнице Американского института, получившей красный диплом магистра в области международных отношений, честно выстраданный в университетской библиотеке.

Мишель Болл, ведущий мое дело агент ФБР, маленькая брюнетка с остреньким носиком, аккуратным маникюром и тщательно нанесенным макияжем, липкими черными резиновыми перчатками ощупала каждый миллиметр моего тела. У нее была почти модельная внешность, если бы не низкий рост и уже слегка расплывшиеся бока.

В строгом черном костюме и шелковом сером топе по последней моде, как в лучших фильмах про славных агентов из Федерального бюро расследований, Болл была в тот день при параде. И этому была веская причина – только окончившая Полицейскую академию, экстреледующая прогноза погоды на маленькой телестанции богом забытого городка на аграрных просторах штата Миссури, тридцатилетняя Мишель Болл готовилась к делу, которое станет жемчужиной ее карьеры. Все должно было быть идеально!

Это была не первая наша встреча с Мишель – в апреле 2018 года, т. е. за три месяца до моего ареста, ко мне в дом вломилась толпа из десяти агентов ФБР. В тот самый день я ждала возвращения моего друга сердца из поездки в Южную Дакоту. Строго соблюдая семейную традицию гостеприимства, в своей маленькой арендованной однушке на первом этаже в пятнадцати минутах ходьбы от студгородка, я пекла его любимый банановый кекс. Надев передник, чтобы не испачкать праздничную розовую кофточку мукой, я как раз замесила ароматное тесто и только-только разогрела духовой шкаф. Атмосфера настраивала на радостную долгожданную встречу. На маленькой кухне были едва слышны звуки французской мелодии из фильма «Амели», моей любимой песни для приготовления вкусок.

Вдруг раздался страшный грохот в дверь. «Господи, – вздрогнув, подумала я, – наверное что-то случилось. Может, пожар? Верно, кому-то нужна моя помощь!». Так, в кухонном переднике, я побежала к совсем тоненькой, деревянной, покрытой толстым слоем белой краски двери, которая вот-вот должна была вылететь вон, сотрясаясь от сильных ударов... Я была научена родителями сперва выяснить, кто и зачем пришел нарушить мой покой – хотела было глянуть в глазок, но побоялась, что дело кончится выбитым глазком, а потому тихонько спросила: «Кто там?». В ответ раздался грубый мужской крик: «ФБР! Немедленно откройте. У нас есть ордер на обыск!».

Трясущимися руками я повернула замок, и дверь широко распахнулась. Я едва успела отскочить в сторону, как в мой дом ворвались человек десять в бронежилетах с винтовками наперевес. Вся эта братия окружила меня, в кухонном переднике. Я ничего лучше не придумала, чем дрожащим от шока голосом сказать, мол, присаживайтесь, дамы и господа... В итоге

присела только я, когда мне ногой подвинули кухонный стул. Я тихо приземлилась и недоуменно уставилась на отряд агентов ФБР. Из-за спин военных появилась молодая девушка в черном костюме и протянула мне листок бумаги – ордер на обыск моей квартиры. Так я познакомилась с Мишель Болл. Рядом с ней, как я предположила, стоял ее напарник – высокий статный широкоплечий мужчина-блондин в черном костюме, на вид лет сорока пяти с чистыми, будто прозрачными голубыми глазами.

– Агент ФБР Кевин Хельсон, – представился он, показав мне удостоверение. И стал объяснять, в чем дело. Оказалось, что меня подозревают в шпионаже и намерены обыскать мое жилище.

– Мария, я должен вас спросить, – серьезно сказал он, – нет ли у вас в доме оружия или иных предметов, которыми вы могли бы нас ранить?

Оружие у меня, конечно, было. Только не в США. Охотничье ружье отечественного производства ТОЗ-34 двенадцатого калибра хранилось у меня дома, в Барнауле, в сейфе, как и положено по российскому закону. Легендарная тульская двустволка-вертикалка стала моим первым оружием. Оригинальная конструкция, надежность, высокая кучность и прекрасный баланс, а главное – доступная цена: все это сделало из ружья легенду и одним из самых известных ружей в СССР и в современной России. «Тозик», как его любя называют россияне, достался мне от папы, открывшего для меня прекрасный оружейный мир. Оружие дома было всегда, сколько я себя помню. Папа не был заядлым охотником – такое увлечение вряд ли разделила бы мама, переживавшая за бедных зверушек. Но зато периодически совершались выезды на стрельбу «по тарелочкам» или спортинг, как это называется на профессиональном языке оружейников.

Мне было не больше десяти, когда папа заметил мой интерес к оружию. Перед ним встал непростой выбор: учить ребенка, к тому же девочку, обращаться с оружием или дать, так скажем, по рукам и запретить подходить к опасному предмету раз и навсегда. Отец выбрал первый вариант и однажды взял меня с собой пострелять. В качестве мишени передо мной оказалась пустая бутылка из-под минеральной воды. Первый выстрел из двенадцатикалиберного ружья разнес пластик в пух и прах. Папа подвел меня к уничтоженной мишени и сказал: «Вот тебе, Маша, главный урок: оружие – не игрушка. Если обращаться с ним неосторожно, можно серьезно ранить или даже убить человека. Но иногда, когда тебе или твоей семье угрожает смертельная опасность, лучше, чтобы оружие было в твоих руках и ты умела им пользоваться». Этот урок запомнился мне навсегда, и я твердо решила научиться обращению с оружием. Ответственность меня не пугала никогда, так меня воспитали родители.

Именно это ружье, из которого был произведен мой первый в жизни выстрел, я и попросила у папы для себя в качестве гражданского оружия, приобретаемого в России по специальному разрешению. Это был своего рода символ. Папа мне, уже к тому времени взрослой двадцатитрехлетней девушке, отказывать не стал. Я увлеклась стрелковым спортом: многочисленные тир и стрельбища стали для меня местом досуга и отдыха. Я получила даже лицензию судьи Федерации практической стрельбы для работы на соревнованиях. Стрелять я продолжила и пока жила в США, но вот иметь личное оружие мне как иностранке по американскому закону было нельзя. Поэтому в моей маленькой студенческой квартирке никакого оружия, конечно, не было.

Я, сжавшись в комочек на кухонном стульчике, недоуменно хлопала глазами, смотря снизу вверх на агента ФБР, горой нависавшего надо мною.

– Разве что это, – наконец, сказала я, протянув ему деревянную мешалку для теста, которая так и осталась в моей руке.

Тут Кевин Хельсон удивленно посмотрел на меня, жадно втянул носом сладкий запах пирога и больше вопросов не задавал. Он, как я позже узнала, и вправду был напарником Мишель Болл. Агент Хельсон только что получил назначение в отдел Национальной безопас-

ности и контрразведки ФБР после долгих лет скучной работы в криминологической лаборатории одного маленького городка, где проверяли образцы мочи и крови, поступавшие с мест преступлений.

Начался обыск. Меня прямо со стульчиком отодвинули к стене, чтобы я не мешала процессу. Присутствовать при обыске как хозяйка квартиры я имела право, но я об этом сильно жалела, воочию наблюдая, как мои школьные тетрадки, семейные фотографии, личные дневники и вещи разрывают на части, фотографируют и укладывают в большие картонные коробки с инвентарными номерами.

В итоге из моего жилища агенты вынесли девять полных коробок, оставив посередине комнаты гору ненужных ФБР бумаг, перемешанных с простынями и мягкими игрушками, которых, как известно, женщинам всегда дарят огромное количество по поводу и без. За восемь часов обыска мне сломали всю мебель, вытащили и свалили в груды всю одежду из платяного шкафа, скопировали номера из телефона и файлы из компьютера, последний еще зачем-то прихватив с собой.

«Красная угроза»

Этот обыск был неожиданным, как гром среди ясного неба, только для меня. На самом деле это был один из актов череды спланированных действий тщательно срежиссированного представления для американской публики. Единственной целью этого спектакля был поиск и наказание виновного во всех бедах и неурядицах разрываемого экономическим кризисом и расовыми противоречиями американского общества.

Недовольство текущим положением дел уже начало выплескиваться на улицы городов лишь внешне спокойной, благополучной и сытой страны. Последней каплей стало избрание на должность внесистемного президента Дональда Трампа, который грозил зачисткой политической элите, засидевшейся в течение двух сроков Барака Обамы. Под многими чиновниками зашатался стулья. В общественной риторике вновь возник вопрос несправедливого распределения ресурсов, а улицы городов снова стали полыхать расовыми конфликтами и протестами несогласных. Чтобы успокоить общество, нужно было его объединить какой-либо задачей, указать ему, где тот виновный, «враг народа», из-за которого происходит все это безобразие, и кого следует отловить и уничтожить.

Технология создания образа врага в виде животного или человека, социальной группы или страны, на которых возлагаются все грехи, беды и неурядицы, уходит своими корнями в глубокое прошлое. Так, например, у иудеев существовал ритуальный обряд «Азазель», что означает «козел отпущения грехов». В канун праздника Йом-Киппур, одного из самых важных праздников в иудаизме, в храм заводили двух козлов одной масти. Священник выносил вердикт, какого козла принести в жертву Богу. А на другого переносили все грехи, совершенные иудеями. Священник читал молитву, возложив руки на голову этого козла, а все присутствовавшие на обряде прикасались к животному с просьбой отпустить грехи. Затем животное уводили в пустыню и освобождали.

Эффективно эта технология применялась, например, в печально известной «охоте на ведьм», физическом уничтожении людей, подозреваемых в колдовстве. Уголовное преследование ведьм и колдунов известно с древности, но особого размаха достигло в Западной Европе в XV–XVI веках. В это время Европа переживала не лучшие времена – неурожаи, голод, эпидемии, войны, которые вели к высокой смертности и бедности. Людям был нужен тот, кого можно было обвинить во всех бедах. У знати и церкви был небольшой выбор – либо «козлом отпущения» будут они, либо кто-то другой.

В ход пошла пропаганда – обстановка вокруг колдовства искусственно нагнеталась. Священники постоянно напоминали об этом зле на проповедях, в красках расписывая, как колдуны могут прятаться среди добрых христиан. Ведьмы обвинялись во всех грехах и неудачах. В свою очередь, казни самых разнообразных людей вели к тому, что народ просто не знал, кому и чему верить. Казалось бы, еще вчера это был достойный человек, семьянин и добрый сосед, а уже сегодня его обвинили в падеже скота и сожгли.

Но вернемся в Америку. В периоды глубоких кризисов США тоже искали виновника всех бед. Были периоды, когда во всем виноватыми оказывались коммунисты. Это даже получило свое название – «красная угроза» (“The Red Scare”). В международной риторике Соединенные Штаты Америки – синоним словосочетания «свобода слова», но в тех случаях, когда речь шла о коммунистических идеях, про это почему-то забывали. Зачистки страны от «коммунистической заразы» в истории США проводили дважды – с 1917 по 1920 год и в 1947–1957 годах, и всегда процессы борьбы со свободомыслием возглавляло ФБР.

Первый период борьбы с «красной угрозой» начался сразу после победы Октябрьской революции в России. Американское общество переживало не лучшие времена. Экономическое положение обычных рабочих в США в годы Первой мировой войны было достаточно сложным,

а участие в войне требовало денег. Проблему дефицита бюджета американское правительство решало просто – увеличением налогового бремени на население. Восторга у граждан эти меры не вызывали и приводили к вспышкам антиправительственных действий, террору и уличным протестам. Голоса, высказывающие идеи равенства и справедливого распределения ресурсов, стали все чаще раздаваться в среде интеллектуалов и на площадях. С этой ситуацией нужно было что-то делать. Требовалось срочно переключить внимание общества с внутренних проблем и найти виновного.

Поисками занялся Джон Эдгар Гувер, только что поступивший на работу в Министерство юстиции США. Сперва он занимался отслеживанием лиц, уклоняющихся от призыва, а вскоре возглавил отдел регистрации граждан враждебных государств. Несложно догадаться, что этот список возглавила Советская Россия. И наконец, в 1919 году Гувер был назначен начальником отдела общей разведки Министерства юстиции США. Когда Минюст возглавил еще один ярый борец с «коммунистической заразой» Александр Палмер, Гувер в его лице нашел идеального партнера. Спасители свободной Америки к январю 1920 года арестовали не меньше десяти тысяч идеологических «врагов» государства. Это были крупнейшие массовые аресты в истории США. Цель была достигнута – враг найден и на него велась охота, которую не забывали массово освещать в прессе, успешно переключив внимание общества с внутренних проблем на коммунистов. Вот, оказывается, кто, будто червь, разъедал американскую демократию! В 1921 году Гувер стал заместителем директора Бюро расследований, а с 1924 года на следующие полвека – бессменным директором ФБР.

Второй этап «Красной угрозы» и опять во главе с ФБР начался в 1947 году. Предпосылкой к этому снова стали внутренние проблемы США, вылившиеся на улицы. Экономический рост, обусловленный мобилизацией промышленности в период Второй мировой войны, когда экономика стала вновь возвращаться на мирные рельсы, сменился спадом – города наводнили потерявшие работу и демобилизованные с фронта граждане.

На помощь снова призвали рьяного ненавистника коммунистов директора ФБР Гувера. И он с радостью и невиданным размахом вступил в крестовый антикоммунистический поход по отлавливанию виновников всех бед и несчастий американского общества, особое внимание уделив массовой пропаганде, разумеется, за счет финансирования ФБР. Рядовых американцев запугивали ядерной войной, резко возросла популярность домашних убежищ на случай атаки, регулярно проводились учебные тревоги в школах и университетах. Не обошлось и без поп-культуры: в 1950-е годы в США было уже полтора миллиона телевизоров, экраны которых наводнили триллеры и фантастические фильмы о чудовищных, хладнокровных врагах, покушающихся на американский образ жизни.

В этот период у Гувера появился новый союзник. Им стал сенатор от штата Висконсин Джозеф Маккарти. Его имя стало нарицательным, а вся эпоха борьбы против левых и либеральных деятелей и организаций в США получила название маккартизма.

Гувер и Маккарти вели многочисленные политические расследования о «проникновении коммунистических агентов» во все сферы американского общества – профсоюзные и фермерские организации, СМИ, университеты, Государственный департамент и армию. Для этой работы было создано отдельное подразделение ФБР – Управление по контролю за подрывной деятельностью, в обязанности которого входила охота на членов коммунистических партий и движений, а также сочувствующих им граждан США и иностранцев.

Коммунистическую партию обязали регистрироваться в качестве иностранного агента, при этом она лишилась права выдвигать своих кандидатов в национальных выборных кампаниях. Коммунистам запрещалось получать заграничный паспорт, состоять на государственной службе в федеральных учреждениях и работать на военных предприятиях. Въезд в страну иностранцев, которые были или являются членами коммунистических партий, и другим лицам, представляющим «угрозу безопасности США», был запрещен. Все коммунисты, ненатурали-

зованные в США (не получившие гражданства США), но уже проживавшие в стране, подлежали высылке. Собственно, именно господам Гуверу и Маккарти американское общество обязано появлением в июне 1948 года специального закона под номером 951 «Деятельность иностранным агентом без регистрации», который и стал основанием для моего ареста.

И снова цель была достигнута – общество, как маленького ребенка, плачущего из-за разбитой коленки, переключили на яркую красную игрушку.

Все вышеперечисленные периоды имели четкую последовательность действий по формированию образа врага народа и борьбы с ним.

Первый этап предполагает выделение правдоподобного виновного в соответствии со страхами и стереотипами общества. Тут я подошла идеально по всем признакам: во-первых, российское гражданство, во-вторых, регулярные заявления в поддержку своей страны. Показателен, например, один из эпизодов моей жизни в США. На одном из мероприятий республиканцев, посвященном ужасам репрессивного режима в Российской Федерации и кровавому диктатору Владимиру Владимировичу Путину, вещал за более чем достойный гонорар известный российский диссидент, оппозиционер Гарри Каспаров. Слушать его, человека, твякающего на мою страну, мне было глубоко отвратительно. Несмотря на то что я далеко не со всеми политическими решениями российской власти была согласна, высказывать свою критику, я полагаю, нужно достойно, глядя оппоненту в глаза, что я, собственно, и делала, выступая в СМИ, проводя митинги и конференции. Каспаров же давно проживал за бугром на американские доллары – их ему щедро отслюнявливали за поливание грязью страны, которой он, собственно, был обязан всем – от образования до мировой известности гроссмейстера. Считая такое поведение недостойным, я, единственная из нескольких тысяч гостей в громадном торжественном зале, где Каспаров выступал со своими изобличениями, осталась сидеть, когда все стоя аплодировали его речи.

Второй этап формирования образа врага – его дегуманизация. Это когда некоего носителя угрозы наделяют исключительно негативными свойствами и качествами. У общества не должно возникать симпатий к врагу. Его оценка должна быть однозначно негативной. Тут кстати пришлась даже моя внешность: достаточно вспомнить, с чем ассоциируются в обществе рыжеволосые женщины или «рыжеволосые бестии». Они неизменно ассоциируются с образом ведьм, которых так боялись в Средневековье. Женщинам с таким цветом волос любят приписывать неустойчивость психики и неумную сексуальную энергетику. А теперь добавляем в наш «рецепт» многочисленные фотографии с оружием, плюс мой чисто личный оружейный интерес, переросший в гражданскую позицию, а из нее – в российское общественное движение с говорящим само за себя названием «Право на оружие», и блюдо почти готово. Приправляем моими посещениями американских оружейников, организации-побратима Национальной стрелковой ассоциации, а также пару их встречных визитов в Москву, и останется только немного «разогреть».

С февраля 2017 года в американской прессе – в газетах, информационных ресурсах и книгах, как грибы после дождя, стали появляться многочисленные публикации о моей возможной связи с российскими спецслужбами, потенциальным наличием «больших денег», которые якобы шли от Кремля на вмешательство в американские выборы и за счет которых, бесспорно, выиграл Трамп и дестабилизировалось американское общество. Как говорил Йозеф Геббельс, еще называемый отцом пропаганды: «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой». И наконец, на помощь призвали тяжелую артиллерию – Голливуд. Буквально за месяц до обыска у меня и примерно за четыре месяца до моего ареста во всех кинотеатрах Америки показали художественный фильм «Красный воробей» про советскую секс-шпионку, который окончательно развеял все сомнения о моей «истинной сути».

Фильм преподнес прекрасную аналогию для американских пропагандистов. Итак, оружейного движения в России быть не может, ибо в стране – кровавый режим и диктатура. Зна-

чит, организация «Право на оружие» – это некий проект российских спецслужб, созданный для прикрытия и с единственной целью – внедрения в американский истеблишмент. И так, будто волк в овечьей шкуре, прикрываясь общими идеями, а на самом деле стремящаяся как минимум повлиять на выборы, а как максимум разрушить США изнутри, через одну из двух ее опор – Республиканскую партию США, которая, как известно, не гнушается многомиллионными дотациями от НСА на выборных кампаниях, я тихонько втерлась в доверие наивным, словно дети, малым американским лидерам. Но главное – это методы вербовки, естественно, через постель, по-другому эти роковые русские женщины просто не умеют, и, конечно, громадные деньги, которые лично Путин поручил передать бедным американским оружейникам. К молодой девушке – магистру международных отношений, работающей на кафедре в университете, могли быть симпатии, а к рыжеволосой кремлевской соблазнительнице, проникшей в недра американского общества с целью его разрушения, – никогда.

Именно так подавала американская пресса мою жизненную историю, которая на самом деле, возникнув из искренних идеалистических взглядов, превратилась в борьбу за гражданские права на оружие в России и возможности сотрудничества с организациями единомышленников в других странах, причем не только в США, с целью обмена опытом. Не будет лишним упомянуть, что никаких денег не было. Но фактами и доказательствами утруждать себя ни американские СМИ, ни ФБР, ни прокуратура необходимым не сочли.

И вот – ведьма найдена. И это – я. Теперь меня будут жечь под громкое улюлюканье разъяренной толпы.

Накачанный ненавистью американский зритель жаждал крови. И тут на помощь пришли спасители – brave люди в черном – агенты Федерального бюро расследований, схватившие и уничтожившие врага. Американское общество может спать спокойно! Зрительный зал взорвался в овациях от чувства благодарности к блюстителям порядка.

Меня часто спрашивают, мол, чего же ты тогда не уехала, в посольство не пошла сразу после обыска. Ответ прост – я же знала, что я не кремлевский секс-шпион, и была уверена, что американское правосудие построено на справедливости и неоспоримых доказательствах вины.

Мои адвокаты

Мне часто кажется, что я родилась под счастливой звездой, потому что к тому черному дню, когда ФБР провело разгромный обыск в моем доме, у меня уже был адвокат.

Пару месяцев спустя после публикации первых «изобличительных» материалов против меня в американских СМИ мне на электронную почту пришло «письмо счастья» – повестка от комитета по разведке американского Сената, предлагающая добровольно явиться для дачи пояснений о моей деятельности в США. На этот запрос я отреагировала положительно, обрадовавшись возможности рассказать правду о моей настоящей жизни в Америке в ответ на грязные инсинуации в американской прессе. Скрывать мне было нечего. Единственное, что я сделала, прежде чем принять решение о добровольной явке в Сенат, это позвонила Александру Порфирьевичу Торшину, поскольку сенаторы запрашивали всю мою личную переписку в социальных сетях с этим человеком за пару лет. Он был моим давним другом и «братом по оружию», который стал мне практически дедушкой после смерти моего кровного деда в 2011 году.

Каждый, как известно, видит мир через собственное восприятие. Для меня Торшин был прежде всего товарищ, а для них – госчиновник, близкий к высшим эшелонам российской власти. Нет, в нашей переписке не скрывались пароли и шифры, там не было информации о миллионах долларов, якобы текущих из Кремля напрямик в Белый дом. Там не было даже интимных подробностей чьей-нибудь частной жизни, но там действительно было много душевных переживаний, юмора, были разговоры о детях, внуках, болезнях, домашних животных. Передавать такие личные детали без разрешения Торшина я посчитала недостойным и потому обратилась к нему за советом.

– Конечно, Мария! Передавайте! Нам нечего скрывать! – ответил Торшин.

– Спасибо, Александр Порфирьевич. Я и не сомневалась, – сказала я.

Только после получения этого разрешения я передала материалы и согласилась на добровольный допрос.

Однако не зря говорят, что Америка – страна адвокатов, и без них в госструктуры на допросы не ходят, а уж тем более в таком щепетильном деле, как «русский след» в американских выборах, которое сплошь и рядом обсуждалось на всех телеэкранах страны. Заявляться без знающего законы США человека было бы для меня равнозначно политической версии «Премии Дарвина», присуждаемой, как известно, за самую глупую смерть. Чтобы поддержать меня в трудную минуту, мой друг-американец, один из немногих сохранивших рассудок во всеобщей антироссийской истерии, посоветовал мне адвоката.

Моего адвоката звали Роберт Дрисколл – седовласый солидный мужчина в элегантном костюме и неизменном галстуке-бабочке с округлой аккуратно стриженной бородкой. В прошлом заместитель генерального прокурора США и начальник администрации отдела гражданских свобод Министерства юстиции США, мистер Дрисколл уже несколько лет вел частную адвокатскую практику в Вашингтоне, являясь соруководителем известной международной юридической фирмы – МакГлинчи. Он по праву считался одним из лучших адвокатов Америки в области громких гражданских и уголовных дел, в которых обвинителем выступали госструктуры США. В офисе этой самой фирмы в самом сердце американской столицы в пяти минутах от Капитолийского холма я впервые встретила моего адвоката, и эта встреча оказалась воистину судьбоносной, но тогда я об этом не имела ни малейшего понятия.

Никаких обвинений ни мне, ни Торшину никто тогда не предъявлял. По заявлениям сенаторов, они просто пытались разобраться, есть ли российское вмешательство в американские выборы или нет. Я всегда думала, что его нет, а потому с удовольствием обрушила на американский сенат восемь коробок с документами-распечатками всех моих электронных сообщений за пару лет.

На изучение печатных материалов у членов комитета по разведке сената США ушло пару месяцев, и мы с адвокатом уже подумали, что допроса не будет. Но в начале апреля 2018 года из комитета позвонили и предложили все-таки пообщаться.

Монументальное прямоугольное тринадцатизэтажное здание с четырьмя огромными бежевыми колоннами на входе и украшенными позолотой стеклянными дверями было похоже на элитный отель премиум-класса. Я с силой потянула на себя сияющую в лучах летнего солнца ручку двери и из темного хвойно-зеленого лобби вырвался в летнюю сухую жару прохладный воздух, вырабатываемый множеством кондиционеров. На входе справа за стойкой сидел одетый в дорогой костюм молодой охранник. Я подала свой паспорт, и он быстро забил данные в компьютер. Улыбнувшись, он отметил, что меня ожидают на четвертом этаже, и рукой указал на ряд лифтов в конце зала. Я поднялась на четвертый этаж, где у лифта меня встретила красивая девушка-секретарь в белой блузе и черной юбке-карандаш.

– Мистер Дрисколл уже ожидает вас, – приветливо улыбнулась она и проводила меня в просторный конференц-зал с темным деревянным лакированным столом и рядом дорогих кожаных кресел на колесиках. – Мистер Дрисколл будет через минуту. Кофе, чай, вода? – спросила секретарь.

– Нет, спасибо, – ответила я, несколько потерявшись в роскоши зала.

Секретарь ушла, оставив меня один на один со своими мыслями. До этого дня у меня никогда не было адвоката. Конечно, в рамках деятельности моего оружейного сообщества я не раз сталкивалась с представителями этой профессии, но тогда мы нанимали адвокатов для третьих лиц, я же лично никогда не имела такой необходимости. Так что я не особо представляла, как взаимодействовать с адвокатом, что и когда говорить.

– Здравствуйте, Мария, – мистер Дрисколл уверенно вошел в конференц-зал и протянул мне через стол руку. – Меня зовут Роберт Дрисколл, но вы можете называть меня Боб.

Рукопожатие Боба было крепким и уверенным, и это мне сразу понравилось. В Барнауле мой первый в жизни руководитель – успешный бизнесмен и профессиональный кикбоксер – учил меня, что по рукопожатию всегда можно определить тип человека – крепкое рукопожатие отражает «настоящего мужчину» – уверенного в себе, открытого и верного данному слову. С такими людьми можно иметь дело.

– Здравствуйте, мистер Дрисколл, то есть Боб, – начала я. – Благодарю, что вы нашли время на встречу со мной.

– Присаживайтесь и рассказывайте, что у вас случилось. Я уже немного знаю, – улыбнулся он. – Вы личность знаменитая.

– К сожалению, – вздохнула я. – Мне пришло письмо из Сената США.

И я рассказала Бобу суть моих злключениях в Америке. С каждым моим словом он становился все серьезнее.

– Мария, – сказал он, когда я закончила, – я буду говорить прямо. Как ваш адвокат я должен стать вам ближе, чем священник на исповеди. Вы должны рассказать мне все подробности о том, что касается предъявляемых вам претензий, ничего не утаивая. Каждая деталь – важна. Это главное условие нашей работы.

– Я понимаю, Боб, – ответила я. – Скажу вам больше, я не понимаю вообще, зачем люди лгут.

– Тогда мы сработаемся, – улыбнулся Боб и снова протянул мне руку.

Началась долгая ежедневная работа по подготовке к встрече с сенаторами комитета по разведке. Я передала Бобу тысячи моих электронных сообщений и документов о моем пребывании в США. Наконец, где-то через месяц еженедельных встреч в его офисе на Пенсильвания-авеню, мы были готовы к даче пояснений.

16 апреля 2018 года я в сопровождении Боба вошла через черный ход в одно из зданий американского сената на Капитолийском холме. Истерия в прессе росла не по дням, а по часам,

потому мы старались избежать телекамер и фотографов, прознавших про «ту самую Марию Бутину», и нам это удалось. На выходе из такси нас встретил только морозящий противный дождик. Ни журналистов, ни зевак вокруг не было.

Здание сената представляло собой невысокое серое бетонное ничем особенным не примечательное сооружение. На входе нас встретила широко улыбающаяся женщина в сером брючном костюме. После прохождения через рамку металлодетектора она проводила нас на третий этаж в крыло, выделенное для комитета по разведке. Мы остановились у высокой деревянной лакированной двустворчатой двери с золотой табличкой, не оставляющей сомнений, что мы пришли точно по адресу. Боб нажал кнопку звонка и сообщил наши фамилии и цель визита. «Проходите», – послышалось в ответ из домофона. Боб пропустил меня вперед в маленькое помещение, где сидел один-единственный охранник с журналом для записей в крупную клетку. Когда наши паспортные данные были им аккуратно вписаны в положенную графу, нам предложили отключить мобильные телефоны и оставить их в специальных деревянных ячейках на стене кабинета.

В кабинет из противоположной двери вошла другая женщина:

– Ванесса, – представилась она, протянув руку сперва мне, а потом и Бобу. – Следуйте за мной.

– Не бойся, Мария, – поддерживающе улыбнулся мне Боб. – Я с тобой. Все будет хорошо.

Я не боялась. Во-первых, я ничего противоправного не делала, а во-вторых, чего можно бояться в самой демократической стране мира? Мне, скорее, было любопытно, но заботу Боба я все равно оценила.

Внутри комитет по разведке представлял собой настоящий бункер, – сквозь деревянные панели на стенах виднелся серый бетон – и несколько комнат, в каждой из которых могли едва разместиться пять человек вокруг небольшого прямоугольного стола. Сразу после нашего появления в комнату вошли человек пять и сели вокруг маленького стола на принесенных с собою стульчиках. Они представились помощниками сенаторов комитета, сами сенаторы посетить это мероприятие не сочли нужным. Следом вошел мужчина с наушниками и печатной машинкой, которому полагалось вести стенограмму заседания. По какому-то закону в сенате запрещалась аудиозапись разговоров, а потому мужчина все время печатал и иногда останавливал нас, чтобы по буквам записать русские фамилии.

Боб расположился слева от меня. С ним и вправду было как-то спокойнее.

– Итак, давайте начнем. Спасибо вам, Мария, за то, что вы согласились с нами пообщаться, – начала допрос Ванесса.

– Это вам спасибо! – ответила я.

Судя по удивленным лицам сотрудников Комитета по разведке, они ожидали от меня всего – агрессии, возмущения, хамства, оправданий, слез, но не благодарностей.

Заметив вытянувшиеся лица участников допроса, я поспешила продолжить:

– Мне порядком надоели эти гнусные инсинуации в вашей прессе, так что я буду рада рассказать правду о том, как все было и есть на самом деле. Сразу скажу, что Александр Порфирьевич тоже не возражал против нашей беседы. Я позвонила ему, прежде чем передать вам нашу с ним переписку за интересующий вас период – с середины лета 2015 года по январь 2017 года. В нашем общении много личных деталей, того, что обычно обсуждают друзья. Как вы уже видели, мы неоднократно обсуждали вопросы здоровья и благополучия членов наших семей. Прежде чем передать вам такую личную информацию, я была обязана спросить человека, которого это касается напрямую. Меня так родители воспитали, уж не обессудьте. Итак, Торшин не возражает, но я бы просила вас не публиковать эти детали. Все же это личное.

– Конечно, Мария, – закивала одна из участниц допроса. – Вы можете быть спокойны, это же комитет по разведке, посмотрите на эти стены, – она огляделась вокруг бетонной комнаты внутри бункера, – и все люди здесь более чем надежные.

В отношении стен женщина, возможно, была права, а вот в отношении людей – вряд ли. Два с половиной месяца спустя американские медиа взорвались от скандала, возникшего из-за утечки информации по вине одного из сотрудников комитета, директора по безопасности – Джеймса Вулфа, который признал себя виновным в том, что неоднократно сливал секретные сведения своей любовнице из New York Times.

– Спасибо.

– Вы готовы начать?

– Да, конечно. Что вас интересует?

– Давайте начнем с самого начала. Как вы оказались в США? – спросил мужчина в белой рубашке справа от меня.

– Приехала учиться в магистратуре Американского университета в Вашингтоне в августе 2016 года.

– Но это же была не первая ваша поездка в США?

– Совершенно верно. Впервые я приехала в Америку на конференцию Национальной стрелковой ассоциации США весной 2014 года. Это был ответный визит. За полгода до этого, осенью 2013 года, на съезд моей оружейной организации «Право на оружие», или «русской версии НСА», как американцы любят нас называть, прилетели Дэвид Кин, экс-президент НСА, и Пол Эриксон, его помощник, тоже член американской оружейной ассоциации. Наша организация «Право на оружие» пригласила их в числе пятнадцати других иностранных гостей – представителей оружейных сообществ со всего мира, чтобы обратиться с приветственными речами к нашим сторонникам и обменяться опытом, а также принять участие в стрелковом матче. На мой взгляд, все прошло удачно, Кин и Эриксон остались довольны и пригласили меня на ежегодную конференцию НСА. Так весной 2014 года я впервые оказалась в Индианаполисе, штат Индиана, США, соответственно.

Позже я побывала еще на нескольких конференциях в Штатах, в основном оружейной тематики, выступала в университете и на молодежных конференциях. А потом решила попытать удачу и попробовать поступить в магистратуру в Америке. У меня два российских диплома, я из учительской семьи – обе мои бабушки всю жизнь проработали в школе, так что тяга к знаниям у меня в крови. Я выбирала между юридическим вузом в Москве и факультетом международных отношений за рубежом: в США или Великобритании, поскольку свободно говорю на английском. И вот решила остановиться на Штатах: американские вузы имеют хорошую репутацию. Подала документы в несколько университетов и остановила свой выбор на Американском университете в столице. Мне осталось около двух месяцев до выпускного.

– И как вам наше высшее образование?

– На высоком уровне, должна вам сказать. Учиться непросто, но так и должно быть. Есть моменты, которые я считаю преимуществами, этого недостает российской системе образования, но есть и то, что можно бы позаимствовать у нас. Так, например, мне нравится обучение в малых группах на семинарах, а также детальный разбор ситуаций, происходящих, скажем, в режиме реального времени, прямо сейчас. Из негативного – мне не хватало теоретических лекций и рассмотрения альтернативной американской точки зрения на геополитику.

– Вопрос был не совсем об этом, Мария, – вмешался в разговор худой мужчина с вытянутым лицом напротив меня, – не каждому доступно учиться в США, правда? Это стоит денег, и немалых. Кто платил за вашу учебу и проживание в США? Торшин?

– Поступила я сама, получила небольшие деньги, написав несколько заявок на гранты. Но в основном учебу мне помогали оплачивать два американских гражданина, к России, насколько мне известно, никакого отношения не имеющих. Это мой молодой человек Пол Эриксон и мой друг Джордж О’Нил. На жизнь у меня были свои собственные деньги, которые я заработала в России, у меня был небольшой бизнес в Москве. Конечно, этих денег хватило

только на первое время, а потом мои друзья помогли мне, за что я им, конечно, очень благодарна.

– А почему эти люди вдруг решили вам помогать?

– Это вам, наверное, лучше у них спросить. Я могу только сказать то, что они сказали мне.

– Как вам, наверное, известно, Мария, мы направляли письмо с этим вопросом вашему Полу Эриксону, но он решил с нами не общаться.

– Известно. Это его решение. Пол и Джордж сказали мне, что верят, что когда-нибудь я смогу быть человеком, который принесет мир двум государствам, России и США. Взаимоотношения наших стран, как мы все видим, переживают не лучшие времена. Так вот, я могла бы быть мостиком к миру, обычным человеком, который понимает оба мира. И для Пола, и для Джорджа – я не первая студентка, которой они помогают оплатить учебу. Это их благотворительная деятельность на пользу вашей стране. Думаю, у Пола еще, конечно, есть и личный мотив – все-таки мы встречаемся. Я также работаю на кафедре в университете, так что, как у нас, русских, говорится, с миру по нитке. У вас есть все распечатки моих счетов за учебу и проживание. Там все есть.

– Есть, но вы, кажется, забыли упомянуть вашу работу помощником российского чиновника Александра Торшина.

– Мистер Торшин – мой хороший друг и единомышленник по оружейным вопросам, но я никогда не работала ни с ним, ни на него. Я его, скажем, помощник на общественных началах по всем вопросам, касающимся оружейной темы. Александр Порфирьевич, как и я, член Федерации практической стрельбы России, общественной организации «Право на оружие» и Национальной стрелковой ассоциации США. Все это для него не работа, а – хобби, выросшее из увлечения стрельбой и коллекционирования оружия. Я помогаю ему вести эту общественную деятельность, не более того.

– Но вы же его помощник, – не сдавалась Ванесса, – у вас даже есть визитная карточка. Вот, посмотрите, – она протянула мне мою визитку, на которой черным по белому красовалась надпись Special Assistant.

– Что ж, вы правы. Эта визитная карточка своим происхождением обязана банальной, но очень неприятной для меня истории.

Участники допроса устроились поудобнее и превратились в слух.

– Однажды, кажется, в 2015 году, я боюсь ошибиться, нас с Торшиным пригласили на оружейный съезд Национальной стрелковой ассоциации. Гостиничные номера всегда бронировал оргкомитет на всех гостей сразу, потому что съезд НСА – это многотысячное мероприятие с оружейной выставкой на целую неделю, так что номера очень тяжело достать. Их бронируют за год вперед. Мы, конечно, опоздали, так что руководство НСА поручило своим помощникам выделить нам два номера из их «коллекции» забронированных номеров. Мне позвонил помощник, чтобы уточнить, нужен ли нам один номер на двоих с большой кроватью или два отдельных номера. Это было очень обидно, сами понимаете. В Америке, к сожалению, видимо, привыкли воспринимать русских девушек исключительно как «эскорт». После этого диалога, в котором я вежливо объяснила, что наши с Александром Порфирьевичем отношения носят исключительно дружеский характер, я попросила у Торшина разрешения напечатать визитные карточки с официальной должностью «помощника», чтобы сразу пресечь все неприятные домыслы. Это помогло. Больше мне таких вопросов не задавали.

– Это и вправду многое объясняет, – закивали женщины в комнате, покосившись на присутствующих мужчин.

Сперва с энтузиазмом задавая различные вопросы о моем пребывании в США, учебе и поездках на конференции, участники допроса постепенно утомонились – часть из них даже задремала. После небольшого перерыва на обед допрос продолжился уже в другом помещении – в обычном конференц-зале вне бетонного бункера комитета по разведке. Через восемь часов

нас, наконец, отпустили. Это был первый и последний раз, когда я общалась с комитетом по разведке – никаких дополнительных вопросов или сомнений ни у кого не возникло.

– Вот и все, Мария, – улыбнулся Боб, когда мы покинули здание сената. – Мне было приятно с вами работать. Надеюсь, мы еще когда-нибудь увидимся в более непринужденной обстановке.

– Ага, – улыбнулась я в ответ и, пожав Бобу руку на прощание, уехала домой.

Долго ждать новой встречи нам обоим не пришлось. Через неделю ранним утром на экране телефона Боба снова высветился мой номер. Не обещая непринужденной обстановки при встрече, я просила его приехать ко мне домой, где десять агентов ФБР перерывали мои вещи и ломали мебель. Через полчаса после этого звонка Боб был у дверей моей квартиры. Его не пустили – не положено по протоколу, поэтому он только ходил вокруг дома и громко возмущался абсурдностью всей ситуации. Ведь все документы были давно предоставлены американскому правительству, и мы добровольно явились на восьмичасовой допрос, зачем было устраивать «маски-шоу»?!

Будучи абсолютно уверен в том, что все произошедшее – чистейшая ошибка, Боб многократно пытался связаться с ФБР и просил пояснений о причинах обыска. Он предлагал повторно и снова добровольно предоставить всю информацию о моей жизни и деятельности в США. Боб просил об организации моего допроса агентами ФБР в любое удобное для них время в любом месте. Ответа на его запросы он так ни разу и не получил.

Ведь не установление истины было целью охоты, а публичная казнь над врагом народа на глазах у разъяренной толпы.

Обвинение

– Развернитесь лицом к стене, – скомандовала мне Мишель, – руки за спину. И я почувствовала холод стальных браслетов на моих запястьях. – Вперед! – продолжила она. И я пошла сквозь строй вооруженной группы захвата спецагентов ФБР, уже у самого выхода из подъезда я краем глаза увидела моего друга сердца, но решила не встречаться с ним взглядом. «Ему и так сейчас плохо, как бы он не бросился меня спасать, а тогда будет хуже», – подумала я, вспоминая зарисовки подобных ситуаций из американских боевиков.

На улице нас ждал черный новенький внедорожник, в салоне пахло кожей. Меня посадили на заднее сидение, рядом села Мишель, а на переднем сидении поместился Кевин. Машина плавно тронулась. Отсутствующим взглядом я смотрела в окно на пролетающие здания, рестораны, весело прогуливающихся в воскресный летний день людей. Повисло тяжелое молчание. Уже тогда мой мозг сам собой решил дистанцироваться от происходящего, как будто это все было не со мной, а с кем-то другим в очень страшном глупом несмешном кино. «Что это и что будет дальше? Это точно ошибка», – повторяла я, словно мантру.

Машина подкатила к большому монументальному строгому серому бетонному зданию, возле которого на куске мрамора, будто на надгробной плите, была выгравирована надпись: «Здание им. Дж. Э. Гувера». Это одно из многочисленных зданий Бюро, названного в честь его основателя и человека, который почти полвека самоотверженно выкорчевывал «красную коммунистическую заразу» из американского общества. Именно отсюда началось мое путешествие длиною в полтора года. Машина свернула к сплошным серым автоматическим подъемным воротам, которые со стороны выглядели как сплошная стена. Слева красовался знак «Нет входа». Водитель нашей машины позвонил кому-то и сообщил, что мы на месте, и ворота медленно и с ужасающим скрипом поползли наверх.

То, что было внутри, с натяжкой можно было назвать гаражом: внутри стоял ряд огромных серых металлических мусорных баков. Других машин, кроме нашей, не было. Мишель приказала мне выйти из машины, что в наручниках за спиной было достаточно затруднительно – авто такого типа имеют высокий клиренс и ступеньку, так что я сползла ногами вперед. Меня тут же окружили сопровождающие агенты и, придерживая за плечо, повели по небольшой бетонной пологой дорожке, которую «в мирное время» используют, вероятно, чтобы скатывать те самые мусорные баки внутрь здания. Вместо двери подсобное помещение и сердце ФБР разделяла мутная грязная клеенка из толстого полиэтилена, которую мною же раздвинули, как тараном, втолкнув меня в череду серых бесконечных коридоров и повели по бесконечному количеству проходов, лифтов и комнат.

Наконец, лабиринты привели нас в комнату с черной металлической скамейкой, сидение которой напоминало сетку. Мне приказали сесть. Не знаю, сколько прошло времени с момента моего ареста, но одно помню точно – я попросилась в дамскую комнату, надеясь хоть немножко перевести дух. А может, и всплакнуть от страха в одиночестве хоть пару секунд – плакать в присутствии палачей я не считала возможным. Незачем доставлять им такое удовольствие. Но не тут-то было. Большая туалетная комната имела прямо напротив унитаза огромное, до самого пола зеркало. Втолкнув меня внутрь, Мишель браво зашла за мной. Тут мне стало даже смешно – неужели они ожидали, что я буду глотать капсулу с цианидом или доставать иглы из подошв ботинок, чтобы умереть и унести с собой в могилу секреты «красных»?!

Что бы они там ни думали, процесс публичного справления нужды – отличный метод унижить человеческое достоинство. Тот самый туалет стал для меня началом «прекрасного» нового мира, в котором мне еще много-много месяцев не разрешат справлять нужду в одиночестве и будут регулярно раздевать и заставлять в таком виде бродить перед надзирателями. Такие методы широко применялись в лагерях нацистской Германии. Отсутствие одежды дей-

ствует на человека угнетающее, лишая элементарного чувства защищенности. Не зря маленькие дети, только приобретя осознание собственного «я», пытаются прикрыть наготу. Но все это было частью плана или, как это называют американцы, «большой картины» моего нового мира, который мне еще предстояло познать во всей красе.

После проведения «боевого крещения» в виде череды бесконечных унижений меня вернули в холл. Там другая женщина-агент – полноватая латинос в штатском с растрепанными неухоженными волосами допросила меня о моем адресе, дате рождения, месте учебы и работы, а позже отвела на процесс забора ДНК и снятия отпечатков пальцев. Весьма неприятная процедура, кстати. Мне выдали стакан воды и приказали засунуть какую-то белую полоску в рот, очень похожую на те, что наши старшеклассники используют на уроках химии.

Когда все необходимые процедуры регистрации были завершены, меня отвели в маленькую комнату. Казалось, она была высечена из монолитного куска бетона – грязно-серые стены и такого же цвета потолок и пол. В углу стояла уже привычная по виду черная железная скамейка, а напротив нее – старый дряхлый деревянный стол со стулом, обтянутым зеленым сукном, протертым до дыр. Из стены торчал черный железный крюк, а под ним расплылось засохшее желтое пятно. «Странно, – подумала я. – Прямо как знаменитые казематы Лубянки из фильмов про энкавэдэшные застенки и подвалы, где допрашивали “предателей” Родины». Только это была не Лубянка 30-х годов, а свободная Америка XXI века...

Плакать не было сил. Желания доставлять такое удовольствие наблюдающим, наверное, какой-то скрытой камерой мучителям тоже не было. Я свернулась калачиком на маленькой скамейке и закрыла глаза. Не знаю, сколько прошло времени – может, час, может, два или три... Вдруг дверь открылась и вошел мой адвокат Боб в вытертой майке, джинсах и пляжных тапочках. День был воскресный, а потому винить его за такой странный вид было незачем. Более того, получив звонок от Пола, он сразу примчался в бетонный гроб здания ФБР. В руках у него была целая стопка каких-то бумаг на английском языке. Он сел на выдавший виды стул и протянул мне пачку листов. Единственное, что он смог выдать из себя: «Знаешь, Мария, это очень серьезно».

Перед глазами побежали буквы и цифры. Вчитаться было сложно, учитывая мое эмоциональное состояние, но стало понятно – документ в основном состоял из безграмотного, «близко к тексту» перевода моей переписки со знакомыми из Москвы.

– Боб, но ведь я уже все эти файлы отдала Сенату, и там не нашли в них ничего незаконного, – в отчаянии сказала я.

– Я знаю, Мария, но вам предъявляют очень серьезные обвинения, – ответил Боб.

На семнадцати страницах обвинения, оказавшегося в моих руках, речь шла о том, что я якобы действовала в качестве иностранного агента в пользу России на территории Соединенных Штатов Америки без необходимой на то регистрации, а также вступила в сговор с некими неназванными лицами с целью работать иноагентом Кремля в Америке под руководством неназванного российского чиновника. Впрочем, из документа, где единственным доказательством моей вины была личная переписка в Твиттере и пара электронных сообщений, было ясно, что речь идет о моем давнем друге, экс-члене Совета Федерации и статс-секретаре Центрального банка России Александре Порфирьевиче Торшине. Согласно документу, я работала под его руководством, выполняя некие поручения по внедрению в американские властные круги, и отчитывалась перед ним о проведенных операциях. Имени Торшина, правда, прокуратура никогда не называла, так что все выводы пресса делала из контекста. Запрашивать материалы комитета по разведке сената – мой допрос и все добровольно предоставленные документы, в ФБР почему-то отказались.

В качестве выполненных задач выступали мои комментарии на вопросы Торшина про то, как дела в Америке, как идет предвыборная президентская гонка, которой в 2016 году интересовался кроме Торшина весь мир, а также ответственные поручения, выраженные в приоб-

ретении пары тюбиков зубной пасты и противоблошиного лекарства для собаки Александра Порфирьевича. Обвинение было сшито из выдернутых из контекста отдельных фраз, непрофессионально переведенных на английский язык, объединенных общим выводом – мол, все это означает, что я – агент иностранной державы, вредитель американской демократии, мерзкий червь, вгрызшийся в политический истеблишмент и отравивший его сочной мякотью.

Согласно закону США номер 18 U. S. Code § 951, принятому в 1948 году, во времена второго периода «Красной угрозы», когда в Америке в очередной раз развернули борьбу с коммунистами, каждый иностранец, находящийся в США, был обязан уведомить Генерального прокурора, если он ведет деятельность в качестве агента иностранной державы. Гражданин, пребывающий в США, превращается в агента иностранной державы в момент, когда начинает действовать под контролем чиновника. При этом деятельность необязательно должна быть политической и за нее не должно быть предусмотрено никакой платы, а как осуществляется контроль – неясно.

Второй закон, в нарушении которого меня обвиняли, номер 18 U. S. Code § 371, или «Заговор с целью совершения преступления или обмана Соединенных Штатов Америки». Он предполагает, что два или более лица договариваются о некоей деятельности, чтобы навредить государству. Моя деятельность, впрочем, никому не навредила, что в конце концов признала даже и прокуратура, а в моем деле так и остался только один-единственный заговорщик – я. Больше никому по моему делу обвинений не предъявили.

Так, положим, приехавший в отпуск в Штаты сотрудник какой-нибудь российской городской управы просит своего друга сходить в магазин за пивом. Друг – не гражданин США, но находится на территории Америки, где они с нашим чиновником, положим, на горе себе отмечают его день рождения. Вот он выполняет «поручение» госслужащего и покорно идет в ларек. Трах-тибидох – и приятель уже агент иностранной державы с потенциальными десятью годами тюрьмы плюс штраф, ограниченный только фантазией суда (в законе сумма не определяется). И сверху еще пять лет заключения за сговор и участие в операции по покупке спиртного к празднику, а также еще двести пятьдесят тысяч долларов штрафа, чтобы неповадно было.

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. По сути, закон целенаправленно сформулирован так, чтобы под него подпадала деятельность практически любого иностранца, неугодной действующей американской власти. Еще это называется «избирательное правосудие». Во времена второй «Красной угрозы» так, собственно, и делали с теми, на кого не могли найти доказательств в шпионаже, читай – людям с коммунистическими взглядами, которые были, ясное дело, все до одного засланы Кремлем.

Даже печально знаменитая 58 статья УК СССР от 1 июля 1938 года, на основании которой велись сталинские репрессии, предполагала, хоть подчас и на бумаге, некое «вредительство» или урон государству, а для нарушения 951 статьи американского закона и вредительства не надо. Так сойдет. Был бы человек, как говорится, а статья – найдется.

– Боб, – оторвалась я от чтения, понимая, что мои дела беспросветно плохи, *Dura lex sed lex* – закон суров, но это закон. – что со мной будет?

– До пятнадцати лет тюрьмы.

– Пятнадцать лет?! Я же ничего не сделала!

– Я знаю, но... Мы попробуем вытащить тебя под подписку о невыезде. У тебя есть дом в США, нет правонарушений, так что ты – идеальный кандидат. А потом будем разбираться, – заверил меня адвокат.

– Боб, пожалуйста, сообщите моим родителям, что я где-нибудь в дороге, а потому связи нет. Завтра меня все равно отпустят, а они будут напрасно переживать. Я потом им сама все расскажу, – просила я, думая о том, что же будет с сердцем моей старенькой любимой бабушки, когда она узнает, что ее родная внучка... в тюрьме.

Кулундинский детдом

Из всей моей семьи самые близкие отношения у меня всегда были с бабушкой по маминей линии, Марией Григорьевной. Будучи еще маленьким карапузом, я умудрилась подхватить воспаление легких в холодном с гигантскими окнами детском саду. Впрочем, наверное, там и начиналась моя чередка «везения» – садик я все равно не любила, дурачиться с другими детьми у меня не было желания, а потому, когда мама приводила меня в детсад и оставляла, скрепя сердце, под контроль воспитательниц, которые в жизни любили все, только не детей, я брала маленький стульчик на черных железных ножках с деревянными спинкой и сиденьем и волокла его к окну. Устроившись поудобнее на своем троне, я смотрела в окно, как уходила мама. Шли люди, торопясь на работу, падал снег или моросил дождь, опадали с деревьев осенние листья. И так весь день.

Пневмония спасла меня от детсада с его несмешными играми и злыми воспитательницами. На поправку здоровья я была выслана к бабушке с дедушкой в деревню в пятистах километрах от краевой столицы. Когда-то там была обоженная солнцем пустыня, преобразившаяся в цветущий край благодаря советским гражданам, направленным Родиной на освоение Сибири. Одной из таких целинниц стала и моя бабушка через пару лет после смерти Сталина. У бабушки с дедушкой был большой дом, который дедушка получил на работе, попав по распределению как энергетик в поселок городского типа Кулунда. Вокруг дома был огромный вишневый и яблоневый сад, были курочки в сарае и целые плантации овощных грядок.

Моя бабушка всю жизнь работала учительницей географии и одно время заведовала учебной частью школы. Выйдя на пенсию, к моменту моего прибытия в Кулунду она работала воспитателем в Кулундинском детском доме, куда часто брала меня с собой, и который стал моей первой альма-матер вместо детского садика. Бабушке и ребятам из детского дома я обязана всем. Мое детство прошло в мире географических карт и глобусов, я рано научилась читать и писать, а больше всего любила, когда бабушка нам читала сказки вслух на большом диване, где я и ребята-детдомовцы располагались поудобнее, и даже самые отпетые хулиганы затихали при первых звуках рассказов про бравых советских разведчиков.

По вечерам, когда мы с бабушкой возвращались домой, начиналось самое интересное – дедушка учил меня играть в шахматы. А научившись читать, я часто брала из его огромной библиотеки мои любимые книги Жюль Верна про приключения капитана Немо или Островского «Как закалялась сталь». В библиотеке мне, маленькой девочке, дедушка впервые показал и прочитал свои дневники. Именно ему я обязана умением писать дневники, которые он сам кропотливо вел всю жизнь. Могла ли я знать тогда, что этот навык, тщательное документирование каждого события, спасет мой рассудок от помешательства в бесконечной череде дней тюремного карцера?!

Обезьянник

В дверь постучали. В дверной проем всунулся тонкий носик Мишель: «Мы получили новый ордер на обыск вашей квартиры. Мария, а вы не могли бы написать нам пароли от ваших электронных устройств?»

– Зачем? – удивилась я. – Они же у вас есть. Я после прошлого разгрома моей квартиры ничего не меняла. Мне, как было тогда, так и сейчас нечего скрывать. Я ничего не сделала.

Мишель не сумела скрыть своего изумления, но вернув самообладание, невнятно промямлила:

– Мы их не храним.

– А, ну если так, – иронично, насколько это было возможно в моем плачевном положении, улыбнулась я. – Давайте еще раз напишу.

Я написала логины и пароли доступа ко всем имеющимся у меня девайсам. Им зачем-то даже потребовался пароль от моей электронной книги. «Очевидно, за инакомыслие наказывать будут», – подумала я. Классика, как в романе Дж. Оруэлла «1984» – «мыслепреступление», раз больше не за что.

Только моя ручка остановилась на последнем слове для доступа в компьютер, Мишель выдернула бумажку и скрылась, хлопнув тяжелой дверью.

– Мария, – вновь обратился ко мне Боб, когда дверь за агентом закрылась, – вы должны быть со мной откровенны, я – ваш адвокат. Будет лучше для всех, если вы скажете мне всю правду. Статья, которую вам вменяют, имеет долгую историю и расценивается как облегченная версия статьи за шпионаж. Вы сказали мне всю правду о деятельности в США?

– Боб, я уже сказала вам однажды, что я не вру. Я в США приехала учиться, чем и занималась все это время.

В дверь снова постучали.

– Пора ехать, – сказала Мишель. – Мы должны ее забрать, у них прием «новеньких» только до шестнадцати часов.

Тут я увидела, что покрасневшее от напряженной беседы лицо Боба стало белым, как снег. Я с удивлением, но без малейшего понимания наблюдала за этой переменой.

– Мишель, вы не можете это сделать с ней. Пожалуйста. Только не в ССБ, – почти умолял он. – Так нельзя.

– Все нормально, Боб, – я выдавила из себя улыбку, думая, что, повидав виды в поездках по России, останавливаясь в гостиницах «советского» типа, скажем, в Кемеровской области, без горячей воды и полотенец, и после пеших походов «дикарем» в горы, я уже ничему не удивлюсь. В Америке же права человека! Там не может быть уж совсем плохо. Я всегда смеялась, когда мы с моим американским другом, гуляя вдоль бурной реки в одном из заповедников в центре страны, шутили, что США так трепетно относится к человеческой жизни, что даже если ты захочешь утопиться, не сможешь – все прогулочные тропы снабжены заборчиками, чтобы нога случайного путника не ступила на ложный путь.

Я ошиблась.

– Боб, нам негде ее держать. Таков порядок. Знаете, ей лучше отдать вам все личные вещи, – продолжила Мишель. – Вы же понимаете, мы ничего не гарантируем.

Личных вещей у меня осталось немного – тоненькое колечко с молитвой из православного храма во Владимирской области, моего любимого, Покрова на Нерли, маленький натальный крестик и наручные часы. Все это я еще трясущимися от пережитого шока руками отдала Бобу.

– Дайте ей хотя бы воды, – не успокаивался Боб.

– Не положено, мистер Дрискол, – упиралась агент. – Вы же знаете порядок.

– Мария, я обязательно приду к вам вечером, слышите?! Все будет хорошо. Только держитесь. Мы вас вытащим, – сказал мне Боб, крепко вцепившись в мои дрожащие холодные плечи.

Все повторилось заново – наручники, машина, только поездка в этот раз была короткой, минут пять-десять, не больше. За окном светило яркое солнце, тепло которого пропускали даже наглухо тонированные окна черного автомобиля.

Машина свернула за угол и начала медленно спускаться по наклонной в подземный гараж. Мне почему-то подумалось, что лучи солнца я вижу в последний раз.

Тут я была права. Свет будто выключили, как только за нами опустилась тяжелая дверь подземной парковки.

Когда автомобиль открыли, я сползла с сиденья на бетонный пол, стараясь сохранить равновесие руками, скованными металлическими браслетами за спиной. Тут последовал удар, которого я ждала меньше всего: никогда не забуду едва не сваливший меня с ног запах разлагающейся заживо грязной человеческой плоти, немытых тел, крови, мочи и кала, разгоняемый громадным вентилятором, прикрепленным к потолку. Я взглянула на лицо моей ровесницы Мишель, оно было сморщенным от вони, но довольное тем, что все идет по плану.

Меня повели к пластиковым занавескам, похожим на те, что я уже наблюдала в гараже ФБР. Только в этот раз клеенчатые шторы были сплошняком залеплены грязью, дохлыми мухами и следами крови. Будто это был вход на скотобойню, за которым скрываются лужи крови на полу и туши мертвых животных на потолочных крюках, как в каком-нибудь низкопробном голливудском фильме ужасов. Меня первой толкнули внутрь так, чтобы я своим лицом открыла следующим за мной людям в лощеных черных костюмах, прекрасный новый мир, именуемый загадочными тремя буквами ССБ.

ССБ или Central Cell Block американской столицы, неизменного форпоста прав человека и оплот демократии, – это, проще сказать, обезьянник, где содержатся люди до принятия решения о переводе их в следственный изолятор или освобождения под залог до завершения следствия. У ФБР, по заявлению агента Болл, своих помещений для размещения арестованных нет, так что они решили отвезти меня в общий приемник. Туда свозят не только граждан, которым предъявили обвинение, но и все те отбросы человеческого общества, от которых зачищают улицы Вашингтона, чтобы они не портили своим видом аппетит уплетающим гамбургеры и запивающим их кока-колой туристам и местным жителям.

ССБ в стране, победившей расовые предрассудки, по большей части наполнен, конечно, чернокожим населением, причем обоих полов. Мужчин и женщин, а также лиц, пол которых установить не удалось, держат в соседних железных камерах, отделенных друг от друга тоненькими железными перегородками. Это череда бесконечных камер не больше полуметра в ширину и двух метров в длину в подвальных коридорах, заполненных страшными звуками и запахами людей, переживающих наркотическую ломку, страдающих психическими расстройствами, подчас пьяными. Страну характеризует то, как она относится к заключенным.

За занавесками «скотобойни» меня ждали пара охранников, рамка металлодетектора и огромный серый пластиковый стул, который надзиратели между собой, ухмыляясь, называли «стул хозяина». Меня развернули лицом к стене, приказав положить ладони на грязную липкую от человеческого пота и крови стену, обыскали и кивнули на жуткий серый стул.

– Садись. Прислонись к спинке, сиди не двигаясь, – приказал мне надзиратель. Он повернул выключатель, торчавший сбоку стула. Раздался тонкий, резкий, как писк, звук. Я вздрогнула от неожиданности. Я догадалась, этот зловещий стул проверял наличие металла внутри тела заключенного. Мне таких стульев еще встретится бесконечное множество на пути по этапам и в зданиях судов.

«Все ок. Она – наша», – весело кивнул надзиратель в сторону агентов ФБР, мавшихся в дверях и старавшихся прикрыть носы от зловония.

Меня повели в следующую комнату, где на длинной деревянной скамейке сидел человек или, вернее, некто, чей пол определить по внешнему виду было невозможно. Напротив этого человека у стойки с компьютером стоял охранник, который регистрировал вновь прибывших. Я села на самый краешек скамейки, стараясь не потерять сознание от страшного смрада. Ждать пришлось недолго. Улыбчивый офицер, сняв мои отпечатки пальцев, в недоумении уставился на меня – в бежевых летних брючках-капри, черном топе и тоненькой накидке-кофточке, едва прикрывавшей плечи. Венцом моего внешнего вида была непослушная шевелюра длинных, почти до самого пояса рыжих волос. За этой процедурой последовала следующая – осмотр полицейского психиатра, который проходил в полумраке грязного, заваленного грудями бумаг кабинета, освещенного только белесым светом, излучаемым экраном старого монитора.

– Вы хотите убить себя?

– Нет.

– А покалечить?

– Тоже нет.

– Вы хотите убить кого-нибудь из окружающих вас людей?

– Нет.

– А покалечить?

– Нет.

Опыт многочисленных пересечений границы США научил меня не шутить с представителями правоохранительных органов и служб безопасности. Шутка будет использована против шутника.

– Вы представляете опасность для окружающих? – не унимался полицейский.

– Снова нет.

– А вы когда-нибудь пытались совершить самоубийство?

– Нет.

И так до бесконечности. Мне, грешным делом, закралась в голову мысль, что, например, скажи я, что имею суицидальные наклонности, меня отправили бы в госпиталь, подальше от ужасного вонючего подвала. Хорошо, что эту идею я не воплотила в жизнь признавшихся в суицидальных наклонностях держали в тех же условиях, но снабжали их пребывание в подвале «вишенкой на тортике» – заматывали в смирительную рубашку и клали мумию на железную полку «до востребования».

Когда полицейский, наконец, исчерпал список вопросов, мне предложили сок и бутерброд. Есть не хотелось, но снова что-то подсказало мне, что еду лучше взять. Тут я не прогадала. Бутерброд придется растянуть до полуночи. Ни есть, ни пить больше не дадут. Все встанет на свои места – вот почему мой адвокат так просил оставить мне хотя бы воду.

Полицейский втолкнул меня в проход с небольшой железной лестницей, и мы пошли вниз. Из недр раздавались страшные звуки ударов о металл, крики отчаяния, нечеловеческие стоны и вой.

– А ну, заткнитесь, – рявкнул в полумрак железного ада сопровождавший меня надзиратель. Мы шли по коридору, будто сквозь строй бесконечной череды клеток. На железных сетчатых дверях свешивались мужчины и женщины, просившие дать туалетной бумаги и воды, или сказать, который сейчас час. Особо шумели, увидев меня, мужчины, что вызвало довольную ухмылку на лице надзирателя.

Меня запихнули в одну из клеток по соседству с мужчиной. Боковая стенка была сплошной, это не позволяло мне постоянно видеть соседа, зато ему явно нравилось меня слышать. Звук моих передвижений и подступавших к горлу слез пришелся по вкусу клиенту, и всю ночь я слушала стоны самоудовлетворения представителя сильного пола. Чтобы издавать как можно меньше звуков, я спряталась в самый дальний от стены соседа угол железной полки и прижала ладони к лицу, чтобы остановить наступающее желание заплакать. В клетке напротив через

дырки в сетке и окошко для подачи еды была видна стонущая чернокожая женщина со спутавшимися от рвотных масс и грязи волосами. Большею частью она лежала на железной полке и стонала, выкрикивая ругательства в адрес надзирателей и требуя необходимые ей средства женской гигиены. Не получив желаемого, она просто размазывала кровь по стенам...

Матрасов в камерах не было, как не было ни одеял, ни подушек. Клетка размером не больше половины плацкартного купе. Железные нары имеют только дырки для стока рвотных масс на соседа на нижней полке или на пол. Есть железный унитаз и даже раковина, но в кране нет воды, нет туалетной бумаги, зато есть огромные в большой палец размером рыжие тараканы. В камерах стояла ужасная жара, в миллиарды раз, казалось, усиливающая вонь тюрьмы. Надзирателям это не нравилось, им же приходилось спускаться в эту преисподнюю по два раза в час на обход, потому они откуда-то приперли огромный промышленный вентилятор и направили струю воздуха прямо в наши камеры. Струя пробирала насквозь, и я дрожала от холода, свернувшись калачиком в углу железной полки, прижав колени к подбородку. Многие заключенные стали умолять выключить «ветер», ведь все из нас попали в подвал с летних улиц – тем, кто был в шортах и майках, повезло меньше всех. Мне – относительно повезло. Я быстро сообразила, что самое теплое из моего гардероба – это мои рыжие плотные волосы. Я распределила их вдоль тела, до самых пяток, как могла, и это позволило мне чуть-чуть согреться и собраться с мыслями.

Изнеможенная от эмоций, пережитых в полумраке подвала, я ощутила непреодолимое желание отключиться и немного поспать. «Только не сейчас», – сказала себе я. – Спать вечером – гарантия бессонной ночи, а это воистину страшно. Во сне ночь прошла бы незаметно». Тут я вспомнила про полученный по пути в клетку плотно завернутый в несколько слоев пищевой пленки бутерброд, состоявший из пары кусков белого отсыревшего хлеба с прозрачными ломтиками ничем не пахнущего сыра и такого же тонюсенького слайса колбасы. Надо было поесть, иначе мозг откажется думать, а в таких условиях – это верный путь к гибели. Нужна максимальная концентрация, чтобы осознать происходящее и решить, что делать. Когда предполагается следующий прием пищи, было непонятно, поэтому я съела только половину порции, а остальное припасла на «черный час», когда снова засосет под ложечкой. Выпила сладкий напиток, который, скорее, напоминал сладкую воду с щедрой дозой ядрено-красного красителя, чем «сок». Поступившая в организм глюкоза сделала свое дело – мозг включился и стал усиленно оценивать окружающую нереальность.

«Время, – подумала я. – Нужно понять, который сейчас час, чтобы отделить день от ночи». Окон в подвалах, разумеется, нет. Свет горит одинаково и днем, и ночью. Задача вычисления времени позволила немного отвлечься от происходящего.

Так, последнее, что я помню, это то, что меня привезли где-то в пятнадцать тридцать. Обходы охранников следуют с периодичностью в тридцать минут, значит, если считать каждый обход и делать пометки, можно понять, который сейчас час. Положим, меня оформили к семнадцати, было где-то пара обходов. То есть сейчас около шести. Но как продолжить счет – нет ни ручек, ни бумаги, ни уж тем более чего-нибудь острого, чтобы царапать пометки на стене. Туалетная бумага! Точно! Буду делать надрывы, отмечая каждый обход надзирателя. Я вспомнила, что, когда мы шли по коридору, заключенные просили туалетной бумаги, протянув руки чуть дальше запястья в окошко для еды ладонями друг к другу. В следующий же обход я попробовала – присела на корточки у маленького окошка в решетке. Сработало! На руки мне намотали немного заветной туалетной бумаги! Обрадованная своей догадливостью и изобретательностью, я стала считать обходы маленькими надрывами туалетной бумаги.

По моим подсчетам, следующий обход был раньше, чем положено раз в полчаса. «Что-то случилось», – подумала я. Надзиратель подвел к моей камере маленькую мексиканку, открыл решетку и впихнул ее внутрь. «Вот тебе соседка, развлекайтесь, девочки!» – буркнул он и со скрипом захлопнул дверь.

Моей первой в жизни сокамернице на вид было не больше шестнадцати – маленькая, худенькая мулатка с коротко стриженными черными, как смоль, волосами и большими глазами, полными слез, тихо села в угол нижней полки, подтянула к подбородку острые коленки и навзрыд расплакалась.

Мне тоже хотелось плакать, но чувство ответственности за бедную девушку было выше подступавших слез. Темная головка девочки и худенькие плечи, вздрагивающие от рыданий, так напоминали близкого мне человека, за которого волею судьбы я тоже несла ответственность.

Моя маленькая копия

– Маша, ты умеешь делать снежного ангела?

– Это еще как?

– Смотри на меня, – и веселая темноволосая девчонка в белой шубке шлепнулась на спину в пушистый сугроб и будто крыльями стала разгребать снег вокруг себя. – Маш, дай руку, подними меня, а то я ангела испорчу.

Я протянула младшей сестричке Мариночке руку в зеленой рукавичке, и она, крепко вцепившись в нее, поднялась из сугроба. Мы вместе разглядывали на снегу отпечаток тела сестры, напоминавший рождественского ангелочка в платьице и с широким размахом крыльев, которые вешают на новогодние елки перед самым радостным праздником в году.

– Я тоже так могу, – сказала я и плюхнулась навзничь в хрустящий пушистый снег. Шапка слетела с головы, и на белоснежный покров рассыпались рыжие кудряшки. Над головой закружились высокие кроны тянущихся в бесконечное небо сосен. Падал пушистый снег, от которого я шурила глаза и весело смеялась, ведь теперь я настоящий ангел!

– Ну что ты лежишь, Маш? Давай, руками шевели, а то ангел не получится!

У меня появилась сестра, когда мне едва стукнуло шесть, и чтобы быть ближе с ней по возрасту, я всегда говорила, что мне было пять, когда она родилась. Отец редко бывал дома. В стране бушевали девяностые, и с преподавательской работы в институте он вынужден был уйти в «купи-продай». Торговлей тогда занимались все. Это позволяло жить намного лучше, чем на зарплату преподавателя, но и о стабильности пришлось забыть.

Мама тянула на себе нас двоих – мне, первоклашке, нужно было помогать делать уроки, а за Мариной, очень беспокойным карапузом, нужен был глаз да глаз. Мы с младшей сестрой всегда были похожи внешне, но по характеру, напротив, слыли полными противоположностями. Я – спокойная, усидчивая, обожающая чтение и прописи, а Марина – юркая, активная, громким плачем требующая постоянного внимания от мамы. Папа денно и ночью пропадал на работе, а мама не только тянула на себе ребятишек, но и на пару с соседкой занималась пошивом детских платьев, которые за копейки сдавались в местный магазин одежды. Я повзрослела очень рано.

– Маша, ты же взрослая! Старшая сестра теперь, – регулярно напоминала мне мама.

Я быстро освоила готовку, уборку, глажку, смену пеленок, а вечерами читала сестре сказки вслух, чтобы мама хоть немного могла отдохнуть. Когда мама вышла на полный рабочий день, дом и ребенок вовсе остались на мне. Ответственность, лежавшая на моих детских плечиках, сделала меня второй мамой младшей сестре.

Как же я завидовала тогда подружкам-хохотушкам, которые часами бегали во дворе в ярких платьицах и играли с новенькими куклами Барби, только появившимися на полках единственного провинциального «Детского мира» в центре Барнаула. Мне играть было некогда, да и куклами похвастаться ввиду скромного семейного достатка я особо не могла. На лето нас с сестрой отправляли к бабушке с дедушкой. Мы постоянно были вместе, так и выросли душа в душу.

Противоположности, как известно, притягиваются. Чем старше мы становились, тем больше стиралась разница в возрасте, и со временем мы друг другу стали единственными лучшими подругами, делили пополам все – от сладких бабушкиных булочек и советских ирисок «Кис-кис» – вязких конфет, от которых терялись первые молочные зубки и свежеспоставленные пломбы, до горестей наказания за совершенные провинности вроде обливания прохожих с балкона в день Ивана Купалы в середине лета.

Ингрид

Девушка дрожала всем телом, заливаясь слезами. У меня разрывалось сердце.

– Хай, – аккуратно начала разговор я. – Как тебя зовут?

– Ингрид, – тихо сказала она, на минуту перестав плакать, как маленький ребенок, которого отвлекли яркой игрушкой от боли в разбитой коленке. – А тебя?

– Мария, но ты можешь называть меня Маша, – улыбнулась я. – Ты когда в последний раз ела, Ингрид? Есть хочешь?

Девочка до боли напоминала мне мою сестру, и я, несмотря на собственный голод, не могла поступить иначе, чем отдать ей остатки своей еды.

Дожевав бутерброд, Ингрид рассказала мне свою историю.

Девушка оказалась почти моей ровесницей, нелегальной иммигранткой из Мексики. Пару лет назад она пешком перешла границу США в районе Калифорнии и теперь работала в Вашингтоне официанткой. А год назад она родила мальчика от гражданина Америки. С отцом ребенка отношения не сложились. И сегодня, в ее день рождения, разъяренный отец ворвался в дом Ингрид не на праздничный торт, а чтобы забрать ребенка. Мать сражалась за сына как могла, и даже двинула рослому пухлому пожилому американцу в нос. Он не готов был смириться с таким отношением и вызвал полицию, которая загребла Ингрид и доставила в полицейский участок, где ее и оформили ко мне на подселение.

Девушка призналась, что очень боится насекомых, а полчища тараканов продолжали подступать со всех сторон. Я тоже боялась тараканов, но пересилив собственный страх, отправила ее полежать на верхние нары – там было больше света, а значит, и меньше рыжих усачей, плюс Ингрид была совсем по-летнему одета – в одной черной маечке на тоненьких бретельках и голубых узких джинсах. Сперва отказываясь и не понимая причин моей доброты, она со временем приняла мой «подарок» в день рождения, как я это назвала, и залезла на верхнюю полку.

Мои туалетно-бумажные зарубки показывали, что наступает ночь. Обещанного визита адвоката все не было, а стоны и крики вокруг только нарастали, как и возрастало число вновь прибывших «клиентов» обезьянника.

Вдруг в шуме промышленного вентилятора и гаме жителей железной тюрьмы послышалось красивое низкое глубокое женское пение, сначала немного робкое, негромкое, но все больше разгонявшееся и набиравшее силу. Так петь могут только чернокожие. Нам, белым, это не под силу. Я узнала знакомую песню Уитни Хьюстон «Я всегда буду любить тебя».

*Если я останусь,
То буду только мешать тебе.
Поэтому я уйду. Но я буду думать о тебе
Каждое мгновение своей жизни.*

*Я всегда буду любить тебя.
Всегда буду любить тебя.*

Больше всего на свете я тогда хотела оказаться рядом с человеком, с которым мы были без пяти минут женаты. Свадьбу отложили на время после окончания моей учебы. Мысли о нем стали для меня в ту страшную ночь источником сил. Я никогда не забуду, как свела нас судьба...

Друг мой сердечный

Это было осенью 2014 года. Созданная мною организация «Право на оружие» проводила свой ежегодный съезд в центре Москвы. К тому моменту мы уже сформулировали свои требования к российской власти – сохранение и расширение прав граждан России на оружие для охоты и самообороны, приняли устав и вели активную борьбу за свои цели: проводили митинги, конференции, выступали в прессе, собирали подписи, проще говоря, задействовали все возможные методы гражданского активизма. Ко всеобщему удивлению, такой спорный и неоднозначный вопрос, как право на оружие, привлек тысячи сторонников по всей стране.

Спустя всего два года работы мы набрали достаточное количество сторонников по всей стране для официального получения всероссийского статуса. На праздник той осенью приехали руководители местных ячеек, группы более чем из сорока российских регионов, а также представители оружейных сообществ из пятнадцати стран. На входе в помещение, где проводилось собрание, висел огромный баннер: «Зона, где ношение гражданского оружия приветствуется!».

В зале собралась очень пестрая толпа: бородатые охотники в камуфляже, байкеры в коже, совсем молодые ребята в джинсах и кроссовках, а также лошечные политики в темно-синих костюмах и белоснежных сорочках. Иностранцев мы разместили в первом ряду, приставив к ним переводчиков. Было очень занятно смотреть на их изумленные лица, сперва испуганные количеством людей, полы пиджаков и курток которых оттопыривались от скрытых травматических пистолетов, а позже все-таки уверовавших в то, что гражданское оружейное сообщество в России существует без всяких притеснений со стороны, как они это шепотом называли, «агентов Ке-Джи-Би» (agents of KGB).

Под громкие аплодисменты я объявила о новом статусе организации «Право на оружие». Спустившись с подиума, я стояла в сторонке: выдалась секундочка, чтобы перевести дух. В руке так и остался зажатый лист бумаги, на котором моим мелким аккуратным почерком были написаны тезисы речи.

Вдруг откуда-то послышался голос с сильным иностранным акцентом:

– Ti ochen talantlivaya.

– Что, простите? – резко развернулась на голос я.

– Well, I am actually speaking Russian¹.

– Oh, sorry. It would be probably better if you say it in English. I don't understand², – смущенно улыбнулась я.

– Okay. You are very talented³.

Я густо покраснела – во-первых, из-за невозможности разобрать сказанных на моем родном языке, правда, с ужасным американским акцентом, слов, а во-вторых, от неожиданного комплимента. В тот момент посреди огромного зала, освещенного сотнями ламп, со снующими туда-сюда многочисленными участниками торжественного второго съезда общероссийского оружейного движения «Право на оружие», десятками объективов телекамер и диктофонов, я была готова держать круговую оборону. Мероприятие закончилось, а работа продолжалась: провокационные вопросы журналистов, организационные накладки и форс-мажор от оружейных соратников. Нужно было все держать в голове – чтобы интервью были спокойными и содержательными, гости довольными и сытыми, единомышленники воодушевленными и готовыми на новые свершения.

¹ – Вообще-то я говорю по-русски (англ.).

² – О, простите. Возможно, будет лучше, если вы будете говорить по-английски, я вас не понимаю (англ.).

³ – Ладно. Вы очень талантливая (англ.).

Неожиданный комплимент и приветливая обаятельная улыбка Пола вмиг сломали мою оборону. Высокий стройный мужчина средних лет в строгом черном костюме и ярком шелковом галстуке на белоснежной сорочке, скорее, напоминал баскетболиста, чем политика.

И он всегда был таким – сияющим, как говорят американцы, будто новенький цент, готовым на нестандартные шаги и нетривиальные решения, обезоруживающе приветливым и непомерно смелым. В то время помощник экс-президента Национальной стрелковой ассоциации США, крупнейшей в мире структуры лоббистов оружия, Пол Эриксон вызвался добровольцем посетить столицу новой России, чтобы посмотреть на съезд организации-побратима и лично пожать руку братьям и сестрам по оружию в незнакомой стране. Памятуя стереотипы о Москве, где, по мнению подавляющего большинства американцев, до сих пор правят «красные диктаторы», а под каждым кустом сидят агенты КГБ, можно сказать, что Пол предпринял рискованное предприятие, решив воочию столкнуться с «кровавым режимом». Кровавого режима не обнаружилось, хотя красные звезды по-прежнему красовались на башнях Кремля. Но что-то из рассказанных американской прессой легенд оказалось правдой.

В него сложно было не влюбиться. К тому же Пол был первым американцем в моей жизни, который открыто заявлял и, казалось, верил в то, что наши страны должны быть если не друзьями, то партнерами на международной арене. «Идеологические противоречия – в прошлом», – смело декларировал он, а я соглашалась. И что же может быть лучшим материалом для мостика между двумя мировыми полюсами, Россией и Америкой, чем общие взгляды на неотъемлемое право ответственного гражданина защищать себя и свою родину с оружием в руках?! Я выросла на советских классиках, в окружении дедушки и бабушки – истинных патриотов своей страны и противников войны в какой бы то ни было форме, в доме, где лучшим пожеланием в праздник было «Мирного неба над головой». И когда я услышала от человека из-за океана, откуда еще вчера ждали ядерных ракет, слова о мире, была в безмерном восторге. Этот роман начался с интереса к чему-то большему, чем просто отношения мужчины и женщины. Это была платоническая любовь и желание служить одной великой цели – миру двух супердержав.

Для меня Пол был воплощением Америки – друга в новом мире, где больше нет места холодной войне и противостоянию, а есть общие интересы и совместное движение к светлому будущему, где правят взаимоуважение и научный прогресс, спасающий жизни и исследующий космические дали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.